

«НАША МАЛЕНЬКАЯ ОБЩИНА...»

Вадим Слуцкий,

председатель Карельского регионального общественного движения
«Демократические реформы в образовании», аспирант Карельского государственного
педагогического института

Заканчивая «Педагогическую поэму», А.С. Макаренко писал: «Приезд Горького в колонию — это была высокая награда. В наших глазах, честное слово, она не была вполне заслужена.

И эту высокую награду нам присудили в то время, когда весь Союз поднял знамёна для встречи великого писателя, когда наша маленькая община могла затеряться среди волн широкого общественного чувства».

Колония им. Горького здесь названа общиной. Это подчёркивает, какая она маленькая и скромная по сравнению со всем советским обществом. Но в то же время прочитывается и какое-то сущностное уподобление этой «общины» самому «обществу».

Что это — случайная оговорка? Но ещё в 1923 г. А.С. Макаренко написал в анкете (возражая против создания в колонии комсомольской ячейки): «Колония живёт настолько тесной общиной, что в организации специальных общественных форм надобности не встречается».

Конечно, это нетипично: великий педагог крайне редко называл руководимые им детские учреждения «общинами»: это было бы идеологически невыдержанно — сопоставлять воспитание «нового человека», «коммунистической личности» с патриархальной крестьянской общиной, толстовской общиной и уж тем более с родовыми общинами.

И всё-таки это — не случайная оговорка. На самом деле уклад жизни колонии им. Горького и коммуны им. Дзержинского очень напоминает уклад жизни всех известных нам общин.

Что такое община? Это такая социальная организация (можно сказать просто «социум» или «мини-социум»), когда люди объединены одной общей целью: в условиях родовой общины — это простое выживание; цель, скажем, толстовской общины — сохранение неких высших ценностей; цель сельскохозяйственной общины — разумеется, наиболее эффективное хозяйствование. Достичь своей цели люди могут только вместе, поэтому они объединяются и создают определённую социальную структуру. Они (большинство, по крайней мере) чувствуют необходимость в достижении общей цели, ощущают её не как навязанную кем-то, чуждую, а именно как свою. Поэтому они разделяют общинные ценности; как правило, готовы придерживаться общепринятых норм поведения, жертвовать своей жизнью) ради общих интересов. Значит, это всегда не отдельные люди или группы, а единое целое (как организм, состоящий из отдельных органов): каждый имеет здесь свою роль в общем деле и уклониться от этого нельзя; в то же время роли эти разные, можно найти себе то, что соответствует твоим индивидуальным склонностям и способностям, чтобы и самоутвердиться, и принести пользу другим.

Общинной социальной организации противостоит не-общинная социальная организация (не-община), суть которой в том, что живущие рядом люди общей цели не имеют, каждый преследует какие-то свои, индивидуальные, цели (соответственно, такой социум можно назвать «индивидуалистическим»). Здесь каждый руководствуется исключительно своей узко-личной выгодой и соотносит свои действия с действиями других только тогда,

когда того требует «своя» выгода или когда сугубо личные интересы случайно совпадают с интересами большинства.

Как это бывает конкретно?

Скажем, в традиционной еврейской общине все мальчики изучали Тору (Пятикнижие Моисеево) и Талмуд (конспективно изложенные споры древнееврейских мудрецов о смысле заповедей Торы): это было необходимо для достижения главной цели еврейской общины — сохранить себя в качестве Народа Божия. Все еврейские общины поэтому открывали учебные заведения: хедеры (что-то вроде начальной и средней школы) и иешивы (старшая школа). Но иешивы были не везде. Поэтому еврейские юноши, закончившие обучение в хедере, нередко отправлялись в иешиву в другой город, где жили в совершенно незнакомых им семьях: за это они ничего не платили,

причём хозяева их ещё и кормили.

Каждый еврей должен был соблюдать религиозные праздники, особенно шаббат (субботу). В этот день полагалось готовить особую трапезу, на которую у бедняков не было денег. Поэтому в шаббат их приглашали в богатые дома.

Если еврейская девушка не имела приданого, её выдавала замуж община.

В не-общине проблемы каждого человека — его личное дело: богатый старается преумножить своё богатство, не обращая внимания на бедных, у которых свои проблемы: как бы выжить. Нет денег учиться — ну и не учишься. «Это твоя проблема», — как сказал бы современный американец или европеец. В не-общине каждый сам по себе и никому ни до кого нет дела.

Основные отличия общины от не-общины можно представить в виде таблицы:

Община	Не-община
Есть общие цели. Внутренне вместе. Община — большая семья.	Нет общих целей. Внутренне каждый сам по себе, одинок.
Успех в жизни может быть достигнут только за счёт служения общему делу, общему успеху, поэтому успех одного — это успех для всех. Нормативный альтуризм.	Успех в жизни достигается за счёт «победы» над другими людьми, так что успех одного — это неудача другого. Другой — это конкурент или даже враг.
То, что происходит в общине, в какой-то мере зависит и от меня, поэтому я отношусь к общине и как хозяин.	То, что происходит вокруг, не зависит от меня: я воспринимаю социальное только потребительски-пассивно.
Если у меня есть проблема, я могу попросить помощи у общины, но и проблемы других прямо касаются меня.	До моих проблем никому нет дела, я должен их решать сам, как смогу. Но и мне нет дела до проблем других людей.
Чтобы стать полезным членом общины, я должен развивать свою индивидуальность, найти своё призвание и занять своё место в социуме.	Я могу развивать свою индивидуальность, если мне это нравится, но социум от меня этого не требует: моя «шаблонность» не мешает моему успеху.
Чтобы община признавала меня своим членом, я должен придерживаться нравственных норм, принятых в ней: быть достойным человеком.	Следует придерживаться формальных правил, пока это выгодно, и нарушать их, если есть гарантия безнаказанности. Каким быть на самом деле — неважно.
Человеческие качества считаются чем-то очень важным.	Никто никем не интересуется как человеком. Человеческие качества не имеют значения, важен внешний успех.
Есть общественное мнение, постоянное отношение к определённым явлениям, не подверженное влияниям минуты.	Нет общественного мнения, коллективное мнение либо отсутствует, либо подчиняется случайным внешним влияниям.
Защита общих интересов — дело каждого.	Защиты общих интересов нет или она возложена на бюрократические структуры, часто действующие, исходя из своих интересов.
Человек, который вреден для общины, изгоняется. Социум эффективно защищает себя от паразитов. В то же время каждый член общины находится под её защитой.	Нет организованной защиты от социальных паразитов, так как каждый эгоист по сути своей паразит, а эгоисты здесь все или почти все.
Общественная жизнь специально организуется: есть обряды, ритуалы, традиции, органы коллективного управления.	Общественная жизнь специально не организуется, является стихийно-хаотической.

Разумеется, это «предельные» типы, в чистом виде в реальной жизни едва ли возможные. Например, современное так называемое западное общество имеет и черты общины (есть общественное мнение), и черты не-общины. Гитлеровский рейх имел некоторые общинные черты, например, была общая цель (утвердить господство арийской расы, отомстить за унижение Первой мировой войны), в то же время здесь налицо стирание индивидуальности, жёсткая унификация.

Тем не менее любой социум можно, согласно приведённому выше описанию, классифицировать как в основном общину или не-общину.

Попытаемся с этой точки зрения проанализировать то, что мы знаем о колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского.

«...перед всей колонией всегда стояла не подлежащая никакому сомнению в своей ценности задача: окончить ремонт второй колонии, всем соединиться в одном месте, расширить наше хозяйство. В том, что эта задача для нас обязательна, в том, что мы её непременно разрешим, сомнений ни у кого не было», — пишет Макаренко в «Педагогической поэме».

И далее: «Поэтому мы все легко мирились с очень многими недостатками, отказывали себе в лишнем развлечении, в лучшем костюме, в пище, отдавая каждую свободную копейку на свинарню, на семена, на новую жатвенную машину. К нашим небольшим жертвам делу восстановления мы относились так добродушно-спокойно, с такой радостной уверенностью, что я позволял себе прямую буффонаду на общем собрании, когда кто-нибудь из молодых поднимал вопрос: пора уже пошить новые штаны. Я говорил:

— Вот окончим вторую колонию, разбогатеет, тогда всё пошьём: у колонистов будут бархатные рубашки с серебряным поясом, у девочек шёлковые платья и лакированные туфли, каждый отряд будет иметь свой автомобиль и, кроме того, на каждого колониста велосипед. А вся колония будет усажена тысячами кустов роз. Видите?

А пока давайте купим на эти триста рублей хорошую симментальскую корову.

Колонисты хохотали от души, и после этого для них не такими бедными казались ситцевые заплатки на штанах и промасленные серенькие «чепы».

Как видим, у колонистов была общая цель, они охотно шли на жертвы ради её достижения.

Как можно было выдвинуться в колонии, добиться уважения к себе? Вот Антон Братченко, бродяга, грубиян, человек, не признававший дисциплины. Почему он стал одним из колонийских лидеров? Потому что нашёл себя, своё место в общем деле. Его влюблённость в лошадей однажды колонистов даже от смерти спасла (глава «Братченко и райпродкомиссар» «Педагогической поэмы»). У него лошади всегда ухожены, накормлены, здоровы. Его привязанность к колонии в значительной мере определяется тем, что он нужен, востребован, чувствует себя на своём месте.

Вот Георгиевский, «сын иркутского губернатора», человек чуждого социального происхождения. Но он любит пацанов, заботится о них, как хорошая мать: это его место, его призвание, его роль. «Красной нитью» через всю «Поэму» проходит слово «хозяин». После первых серьёзных краж Задоров советует «завколу»:

«...наймите двух хороших сторожей и дайте им винтовки.

И слышит в ответ:

— Нет, сторожей не найму и винтовок не дам.

— А почему?

— Сторожам нужно платить, мы и так бедны, а самое главное, вы должны быть хозяевами».

Но вот вор пойман, и Ветковский кричит:

— Хлопцы, наше это дело или не наше?

— Наше! — закричали хлопцы. — Мы тебе сами морду набьём получше Антона!

«Преступление» Калины Ивановича, разрешившего вывезти мебель из кабинета Марии Кондратьевны Боковой, объясняется так:

«— Значит, и ваши воспитанники будут так делать?»

— И пушай себе делают...

— Для чего?»

— А вот, чтобы плохих хозяев учить».

Замечательная сцена с участием той же Марии Кондратьевны, которую колонисты уламывают дать 6 тысяч на ремонт «красного дома», а она говорит:

— ...Я вам дам шесть тысяч, только вы должны принять от меня сорок детей... хороших мальчиков, только они теперь, знаете, такие... чёрненькие...

«Колонисты сделались серьёзны. Оля Воронова, как маятником, размахивала кувшином и смотрела в глаза Марии Кондратьевне.

— Так отчего же? — сказала она. — Мы возьмём сорок детей».

Можно ли представить себе подобный разговор наших старшеклассников с неким чиновником: они его страстно уговаривают выделить им средства на ремонт одного из

школьных зданий, а когда он им говорит: «Ладно, но только если примете сорок трудных детей», они отвечают: «Так отчего же? Мы возьмём сорок детей!»

Такое непредставимо совершенно, а воспитанники А.С. Макаренко действительно чувствовали себя в колонии хозяевами.

И не только в колонии. Заканчивая свою «Поэму», автор пишет: «И мы идём, как хозяева, по нашему городу...» Но не только в городе, а и в своей стране они чувствовали себя хозяевами. «В советской стране хозяин есть пролетарий и рабочий», — говорит Жорка Волков куряжанам.

Очень интересны первые диалоги «завкола» со своими воспитанниками в «Педагогической поэме». Таранец принёс в комнату тарелку жареной рыбы.

— Это вам рыба.

— Вижу, только я не возьму.

— Почему?»

— Потому что неправильно. Рыбу нужно давать всем колонистам».

А вот диалог двух колонистов после знаменитых краж Буруна:

«— Так ведь вас же обкрадывают.

— Ну, чего ж там меня? Ничего тут моего нет.

— Да ведь вы здесь живёте».

Это совершенно явная борьба за пробуждение у воспитанников общинного сознания: всё, что есть в колонии, — наше; вы должны быть хозяевами; всё, что добыто кем-либо из колонистов, — для всех.

Вот горьковцы приезжают в Куряж. Куряжане, рассказывает автор, «смутились, когда стало слишком очевидно, что из этих ста двадцати самого маленького нельзя тронуть безнаказанно».

Община защищает каждого, но и «выбраковка» и «отсев» бывают: так выгнали Опришко, грубо нарушившего принятые нормы поведения.

А вот как А.С. Макаренко рассказывает куряжанам об их новой жизни:

— Товарищи! С этой минуты мы все, четыреста человек, составляем один коллектив, который называется: трудовая колония имени Горького. Каждый из вас должен всегда это помнить, должен смотреть на другого горьковца как на своего ближайшего товарища и первого друга, обязан уважать его, защищать, помогать во всём, если он нуждается в помощи, и поправлять его, если он ошибается».

Как Волохов, командир передового сводного отряда, едущего в Куряж, решает, кому ехать вместе с ним? «Он аккуратно, молчаливо обсасывал каждую кандидатуру и решал коротко:

— Не надо!.. Лёгкого веса!»

Но чтобы каждую кандидатуру «обсасать», нужно знать человеческие качества всех своих товарищей.

Так что по всем пунктам колония и коммуна — это типичные общины, более того, они близки к чистому, идеальному типу общины.

Так что же, А.С. Макаренко вовсе не был новатором? В пролеткультовском, большевистском смысле не был. Потому что в этом смысле новатор только тот, кто совершенно не укоренён в прошлом, в старом: этакое растение без корней. А новаторство Макаренко, как мы убедились, имеет чрезвычайно разветвлённые и глубокие, тысячелетние, можно сказать, корни. Но это его достоинство, а не недостаток; в этом залог прочности его открытий, их большого будущего.

Новаторство А.С. Макаренко состоит в том, что:

- 1) он открыл педагогическое значение общинной социальной организации;
- 2) осознал и сформулировал её организационные принципы;
- 3) очистил её от случайных, исторически преходящих элементов: особенно важно, что он сумел создать свободную общину, тогда как почти все известные нам общины (особенно родовые) были силой, подавлявшей свободу личности, уничтожавшей внутренний мир, приносящей человека в жертву групповым интересам. У А.С. Макаренко коллектив становится инструментом развития человеческой личности.

Педагогическое (воспитательное) значение общины в том, что она как социальная организация позволяет воспитать людей:

- успешно преодолевающих свой эгоизм, умеющих исходить в своих поступках, чувствах и намерениях не только из своих индивидуальных потребностей и интересов, но также из интересов и нужд других;
- небезразличных к тем, кто их окружает, к тому, что происходит вокруг них, ответственных, чувствующих себя хозяевами, от которых всё зависит;
- интересующихся человеческими качествами окружающих и умеющих разбираться в людях;
- эмоционально устойчивых, уверенных в себе, так как община — большая семья, их «ресурсное место», их жизненная поддержка, благодаря которой они не чувствуют себя слабыми и одинокими;

- позволяет воспитать граждан с активной общественной позицией, распространяющих своё отношение к общине на всю свою страну и даже на весь мир;
- позволяет развить индивидуальность каждого, выявить его призвание и найти то особое место, где он будет чувствовать себя востребованным и успешным; понятно, что такой человек будет ценить и уважать и «чужую» индивидуальность.

Я далёк от того, чтобы утверждать, будто всего этого можно достичь только исключительно с помощью общинной социальной организации. Но опыт А.С. Макаренко доказывает, что такая организация — весьма совершенный инструмент воспитания.

Каковы же организационные принципы, соблюдая которые можно достичь подобного макаренковскому результату? Попробуем их сформулировать:

- налицо общая цель, общая задача, принимаемая большинством как своя, лично значимая;
- все основные проблемы, кроме сугубо внутренних, — общие проблемы и решаются сообща;
- каждый получает свою роль в общем деле, соответствующую его возможностям и способностям;
- действует нравственный кодекс, который все обязаны соблюдать;
- все вместе защищают каждого, кто принял общие правила, и избавляются от тех, кто им не следует;
- жизненный успех достигается в результате индивидуального вклада в общее дело, а не в результате «победы» над другими.

Разумеется, этими принципами не ограничивается значение опыта А.С. Макаренко. Однако без организационных принципов общинной жизни этот опыт не существует, не воспроизводим и не может быть по-настоящему осмыслен.

В своё время европейцы отказались от общинной социальной организации, борясь за эмансипацию человеческой личности, но в итоге пришли к индивидуализму. Можно предположить, что рано или поздно мы неизбежно начнём восстанавливать

общинные социальные структуры как единственно способные удовлетворить очень многие важнейшие человеческие потребности, как способствующие полноценному развитию личности. Вот тогда-то опыт А.С. Макаренко окажется полностью востребованным и тогда, может быть, выяснится, что опыт этот имеет гораздо более глобальное значение, чем полагали прежде, что А.С. Макаренко — не только великий педагог, но и великий социальный реформатор.

Сохранив свободу личности, дружбу, взаимопомощь, избавить от одиночества, научить жить в коллективе — для нас это задача будущего, быть может, далёкого, а Макаренко сумел её разрешить.

Так что не всякая утопия утопична. Тот, кто умеет мечтать, живёт в будущем, преодолевая настоящее и указывая ему путь. Так, как это делал Антон Семёнович Макаренко.

г. Петрозаводск

КАКИМИ ХОТЯТ ВИДЕТЬ РОССИЯНЕ СВОИХ ПОВЗРОСЛЕВШИХ ДЕТЕЙ?

Что они считают главным, а что лишним в их воспитании?

На эти вопросы отвечают исследования российских социологов

Западные исследователи обеспокоены, что гражданское общество постепенно уступает место обществу «массовому», в котором связи между людьми имеют всё более формальный, безличный характер, а маргинализация значительной части населения приводит к тому, что эти люди становятся фактически псевдогражданами. Те же тенденции начинают проявляться и в России, причём в самых разных и причудливых формах, далёких на первый взгляд от рассматриваемой проблематики.

Показательны результаты мониторинговых исследований ИКСИ РАН, проводимые в последние годы по общероссийской репрезентативной выборке. Одно из исследований было посвящено анализу родительских устремлений. Что они считают главным в воспитании детей? Вот как выглядят ответы в порядке убывания значимости.

- Дать хорошее образование — 71,7%;
- Воспитать детей честными и добрыми — 36,9%;
- Привить самодисциплину, трудолюбие, организованность — 29,2%;
- Воспитать мужество, стойкость, умение постоять за себя — 28,3%;
- Обучить профессии, которая всегда даёт кусок хлеба, — 22,1%;
- Воспитать независимость и самостоятельность — 18,4%;
- Развить умственные способности — 13,5%;
- Сформировать деловые способности, «деловую хватку» — 13,1%;

- Научить приспосабливаться к обстоятельствам — 8,9%;
- Воспитать искреннюю веру в Бога — 7,2%;
- Воспитать терпимость — 6,1%;
- Сформировать гражданскую позицию, убеждения — 3,9%;
- Приобщить к национальной культуре — 3,7%;
- Приобщить к демократическим ценностям — 0,7%.

Видно, что родители стремятся подготовить детей к сложностям современного мира и одновременно воспитать хорошего человека — образованного, честного и доброго, трудолюбивого и организованного, умеющего постоять за себя и независимого. Однако родители считают ненужными, лишними в дальнейшей жизни детей такие качества, как терпимость, гражданственность, убеждения, приобщённость к культурным ценностям и ценностям демократии.

Поскольку на вопросы анкеты отвечали не дети, а родители, основываясь на собственном социальном опыте, естественно предположить, что эти качества не востребованы, прежде всего, ими самими.

Наверное, правы западные исследователи, полагающие, что гражданское общество вытесняет массовое общество, а мы потихоньку становимся псевдогражданами, которым не нужны гражданственность, терпимость, культурные и демократические ценности. ■